

Е. Т. Артемов

ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В СОВЕТСКОМ АТОМНОМ ПРОЕКТЕ:
ФУНКЦИИ И ВКЛАД В РЕАЛИЗАЦИЮ

doi: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-129-136

УДК 94(470)

ББК 63.3(2)

29 августа 2019 г. исполняется 70 лет со дня испытания в СССР первого ядерного заряда. Оно стало важной вехой в реализации атомного проекта, одного из самых амбициозных в послевоенной советской истории. Не случайно связанные с ним события вызывают устойчивый научный и общественный интерес. Однако ряд его аспектов не получил еще должного освещения в историографии, в частности роль и место органов госбезопасности в «атомной эпопее». В статье рассматривается организация работы органов госбезопасности по получению важных для разработчиков ядерного оружия разведматериалов, обеспечению сохранности собственных «атомных секретов», охране «спецобъектов» и осуществлению контроля за выполнением правительственных решений, связанных с созданием ядерно-оружейного комплекса. Обосновывается вывод, что эта деятельность органически вписывалась в систему «командной» экономики в ее классическом, сталинском, варианте и внесла заметный вклад в успешную реализацию атомного проекта.

Ключевые слова: *атомный проект СССР, командная экономика, органы государственной безопасности, Специальный комитет при Совете Министров СССР, Первое главное управление, Бюро № 2, уполномоченные Совета Министров СССР*

В советской послевоенной истории не так много примеров решения задач, однозначно признаваемых успешными. К ним, несомненно, относится атомный проект. Не случайно ему посвящена обширная литература. Однако было бы преждевременно говорить об «исчерпани» темы. Речь, в частности, идет о реконструкции вклада органов госбезопасности в реализацию атомного проекта. Несмотря на имеющийся серьезный задел, целостной картины их деятельности пока не складывается.¹ В то же время ставшие недавно доступными свидетельства, документы и материалы позволяют существенно восполнить данный пробел.

Но сначала хотя бы несколько слов нужно сказать о содержательной стороне атомного проекта. Его генеральная цель заключалась в создании ядерного оружия и в оснащении им Вооруженных Сил страны. Сегодня, как правило, «запуск» атомного проекта относят к 1942 г., а завершение — к концу следующего

десятилетия. Именно тогда страна обрела возможности для расширенного воспроизводства ядерных и термоядерных боеприпасов, обеспечила их средствами доставки и боевого управления, сформировала развитую инфраструктуру, обеспечивавшую хранение и применение «изделий».² И в решение всех этих задач органы госбезопасности внесли свой вклад.

Внешняя разведка снабжала разработчиков ядерного оружия сведениями о реализованных за рубежом научно-технических идеях и конструкторских подходах, информировала высшее руководство о темпах наращивания ядерного арсенала «вероятным противником», о разработке им новых типов и видов «изделий», участвовала в отборе стратегических целей для атомной бомбардировки. Контрразведывательные подразделения и их сотрудники, прикомандированные к структурам атомного проекта, обеспечивали безопасность и охрану спецобъектов, отвечали за соблюдение жесткого режима секретности при проведении работ. Но этими традиционными для спецслужб функциями дело не ограничивалось. До смерти И. В. Сталина и «разоблачения» руководителя атомного проекта Л. П. Берии³ офицеры

¹ См.: Гоголь В. А., Адриянов В. И. Бомба для Сталина. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. М., 1993; Круглов А. К. Штаб Атомпрома. М., 1998. С. 70–86; Полушин В. В., Староверов В. А. Спецслужбы в советском атомном проекте 1945–1953 гг. // Атомный век: события, люди, дела. М., 2005. С. 434–452; Некрасов В. Ф. НКВД–МВД и атом. М., 2007; Артемов Е. Т., Волошин Н. П. Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 469–491 и др.

² См.: Artemov E. The Soviet Atomic Project. Ingredients of Success // Social Sciences. A Quarterly journal of the Russian Academy of Sciences. 2018. Vol. 49, № 2. P. 103–105.

³ В 1945–1953 гг. председатель Специального комитета при Совете Министров СССР, директивного органа, отвечавшего за реализацию атомного проекта и подчинявшегося только лично И. В. Сталину.

госбезопасности контролировали выполнение правительственных заданий по созданию ядерно-оружейного комплекса и оказывали помощь организациям атомной отрасли в их взаимодействии со «смежниками». Они также играли важную роль в поддержании жесткой исполнительской и технологической дисциплины. Сотрудники госбезопасности выполняли в атомном проекте еще одну ответственную миссию: его руководству подчинялась — до передачи в ведение Министерства обороны во второй половине 1950-х гг. — и «военная» часть ядерно-оружейного комплекса. Ее основу составляли центральные базы и войсковые склады хранения ядерного оружия с приданными им воинскими подразделениями и учреждениями. Командовали этими структурами офицеры госбезопасности. Они непосредственно отвечали за сохранность и поддержание ядерного арсенала в высокой степени боевой готовности, обеспечивали подготовку к его применению в случае решения высшего политического руководства.⁴

Особо спецслужбы отличились на начальной стадии атомного проекта. По сути, они инициировали его «запуск». Дело в том, что в начале Великой Отечественной войны Советский Союз свернул все работы по овладению атомной энергией. Их отнесли к не имеющим «актуального значения для обороны страны». В то же время за рубежом пришли к выводу о возможности создания атомной бомбы. Эту информацию удалось получить советской разведке. Ее довели до заместителя председателя Государственного комитета обороны В. М. Молотова, и тот, несмотря на скептическое отношение руководителей советской физики, взял на себя ответственность за начало работы над ядерным оружием.⁵

Перспективы создания ядерного оружия были определены с учетом добытых разведматериалов. По заключению научного руководителя атомного проекта академика И. В. Курчатова,⁶ их использование позволило

«миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».⁷ Разумеется, речь не шла о простом копировании зарубежных «секретов». Разведматериалы рассматривались как отправной пункт в совершенствовании «заимствованных» технологий. Полученная из-за рубежа информация тщательно перепроверялась в ходе собственных теоретических и экспериментальных исследований. С одной стороны, это должно было гарантировать ее достоверность, а с другой — выполняло обучающую функцию. Одновременно накапливался опыт в организации цикла «исследования — разработки — производство». Таким образом рассчитывали перейти (и действительно перешли) от «догоняющей», «имитационной» модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели «инновационной». Если испытанный в августе 1949 г. заряд являлся копией американского, то при разработке последующих поколений ядерного оружия в основном опирались на собственные научно-технические идеи.

Общее руководство «закордонной разведывательной работой» по получению информации «об урановой промышленности и атомным бомбам» осуществлял Л. П. Берия.⁸ Ему непосредственно подчинялось Бюро № 2, укомплектованное офицерами госбезопасности и «вольнонаемными» научными сотрудниками. Они переводили поступающие от разведорганов материалы и осуществляли их предварительный анализ. Их обзоры докладывались на заседаниях Научно-технического совета Первого главного управления (ПГУ, исполнительный орган атомного проекта). После детального обсуждения содержащихся в них сведений принимались согласованные решения. Затем Научно-технический совет доводил свои рекомендации до «заинтересованных» руководителей научно-технических организаций и предприятий, ведущих специалистов. К первичным разведматериалам допуск имел только И. В. Курчатова. По его представлению и по разрешению Л. П. Берии, в «порядке исключения», с ними могли знакомить других ведущих разработчиков ядерного оружия. Такие правила распространялись даже на главных «распорядителей» атомного проекта. По воспоминаниям руководителя Бюро № 2

⁴ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. М.; Саров, 2005. Т. 2, кн. 5. С. 68; М.; Саров, 2007. Т. 2, кн. 7. С. 24–27, 246, 247, 551, 589–592; Бирюков Н. С. Рожденные атомной эрой. 12 Главное управление Министерства обороны Российской Федерации: опыт создания и развития. М., 2002. С. 55–59, 65–67, 96, 97.

⁵ См.: Артемов Е. Т. Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde Russe. 2014. № 55/3-4, juillet–decembre P. 269–272.

⁶ Начальник Лаборатории № 2 АН СССР, головной научно-технической организации атомного проекта (ныне — Российский научный центр «Курчатовский институт»), член Спецкомитета.

⁷ Атомный проект СССР: документы и материалы. М., 1998. Т. 1, ч. 1. С. 314.

⁸ Там же. М.; Саров, 1999. Т. 2, кн. 1. С. 13.

П. А. Судоплатова,⁹ в связи с этим он однажды даже «крепко поспорил» с А. П. Завенягиным.¹⁰ Тот потребовал показать понадобившиеся ему документы, а Судоплатов отказал. И только после разрешения Л. П. Берии просьба А. П. Завенягина была удовлетворена. Судя по всему, похожий порядок работы сохранился и после «разоблачения» Берии.

Особо ценная развединформация поступала сразу Л. П. Берии. Это были сообщения о разработке новых образцов ядерного оружия, их принципиальных особенностях и испытаниях, перспективах наращивания ядерного арсенала США и средствах доставки боезарядов.¹¹ Организацией использования таких материалов Л. П. Берия занимался лично. Так, в частности, случилось со сведениями, поступившими весной 1948 г. Это были данные о конструкции «дейтериевой сверхбомбы» (водородная бомба, которая в дальнейшем разрабатывалась под индексом РДС-6т, что, впрочем, оказалось тупиковым направлением) и атомных бомб композитного типа, содержащих плутоний и уран-235. С ними сразу же ознакомили Л. П. Берию, и он дал следующее указание: «Тт. Ванникову¹² и Курчатову тщательно проанализировать материалы и в течение 2–3 дней доложить свое заключение... какие поправки (в смысле ускорения) надо внести в принятый план исследовательских и конструкторских работ».¹³ Л. П. Берия лично утвердил их предложения, что послужило основанием для существенной корректировки перспективных планов создания ядерного оружия. По такому же сценарию разворачивались события, связанные с созданием атомного артиллерийского снаряда. Впервые информация о его разработке в Соединенных Штатах Америки поступила в апреле 1952 г. Это сообщение привело к ожидаемому результату: намерение одной стороны принять на вооружение

«изделие» нового типа подтолкнуло другую к аналогичным действиям. Но по предложению научного руководства атомного проекта, Л. П. Берия санкционировал использование иной, более «прогрессивной», физической схемы при конструировании заряда. Для руководства этой работой был «мобилизован» академик М. А. Лаврентьев, будущий инициатор создания Сибирского отделения АН СССР, а в КБ-11 — первом научно-исследовательском и конструкторском ядерно-оружейном центре — организовали специальный отдел. Правда на том этапе приемлемой для Вооруженных Сил страны атомной артиллерийской системы создать не удалось.¹⁴

Научное руководство атомного проекта стремилось максимально использовать возможности разведки. Сначала ведущие исполнители определяли «узкие места» в разработке тех или иных технологий и физических схем, фиксировали затруднения, возникшие при выборе оптимальных вариантов конструкторских решений, и т. д. Затем их материалы, «подработанные» в Бюро № 2 и в аппарате Спецкомитета, доводились до разведорганов, и те руководствовались ими в своей деятельности. На практике это выглядело следующим образом. В апреле 1949 г. И. В. Курчатов после консультаций со своими научными соратниками направил на имя руководителей ПГУ Б. Л. Ванникова, М. П. Первухина,¹⁵ А. П. Завенягина служебную записку. В ней перечислялись «накопившиеся вопросы», ответы на которые, по мнению И. В. Курчатова, «имели значение для дальнейшей работы». В секретариате Спецкомитета на основании этой записки подготовили двадцать пять конкретных вопросов. Их перечень направили на утверждение Л. П. Берии, и тот дал следующее указание: «Лично. Товарищу Федотову!¹⁶ Постарайтесь через свои источники получить ответы на указанные вопросы. Конечно, при соблюдении соответствующих предосторожностей.

⁹ Генерал-лейтенант, один из руководителей советской разведки. Одновременно с Бюро № 2 возглавлял отдел «С» МГБ СССР (получение разведанных по ядерному оружию) и службу проведения диверсий, затем руководил Бюро № 1 (диверсии за рубежом) МГБ СССР. Осужден за участие в «заговоре Берии». Освобожден в 1968 г. Реабилитирован в 1992 г.

¹⁰ Генерал-лейтенант, первый заместитель начальника ПГУ, член Спецкомитета, затем заместитель министра, министр среднего машиностроения СССР, заместитель председателя СМ СССР.

¹¹ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 7. С. 38, 319, 320, 408, 409, 417–419.

¹² Генерал-полковник, начальник ПГУ, член Спецкомитета, затем первый заместитель, исполняющий обязанности министра среднего машиностроения СССР.

¹³ Атомный проект СССР: документы и материалы. М.; Саров, 2006. Т. 2, кн. 6. С. 428–442.

¹⁴ См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М., 2017. С. 124, 125, 229–231.

¹⁵ Генерал-лейтенант, первый заместитель начальника ПГУ, член Спецкомитета и одновременно министр химической промышленности СССР; затем министр среднего машиностроения и первый заместитель председателя СМ СССР. Лишен этих постов в 1957 г. из-за участия в «антипартийной группе Молотова, Маленкова, Кагановича».

¹⁶ Генерал-лейтенант, первый заместитель председателя Комитета по информации при МИД СССР, который в то время объединял все разведслужбы Советского Союза. Благополучно пережил чистку органов от «бериевских приспешников» и был назначен начальником Первого (разведывательного) главного управления КГБ СССР.

Просьба: лично проинформируйте, как Вы это предполагаете делать. Л. Берия».¹⁷ Несмотря на многоступенчатость, процесс согласования запросов разработчиков занимал считанные дни. Не случайно на сопроводительных документах ответственные исполнители фиксировали: «срочно», «материал ждут». И, разумеется, поручения Л. П. Берии принимались к «безусловному исполнению», поскольку всем было хорошо известно, что он никого ни о чем дважды не «просил».

Централизация разведработы обеспечивала оперативное и результативное использование «добытой» информации. В то же время присущий ей высокий уровень секретности затруднял оценку перспективности отдельных сведений. Так, собственно, произошло с информацией о возможности применения принципа радиационной импlosion при конструировании термоядерного заряда. Соответствующие сведения поступили в «центр» еще в 1948 г. Но тогда на них не обратили должного внимания. Причина заключалась в жестком режиме секретности, не позволявшем провести сколько-нибудь широкое обсуждение идей, содержащихся в разведматериалах. И только в 1954 г. в ходе бурных дискуссий советским разработчикам удалось самостоятельно выйти на физическую схему, обеспечившую конструирование двухстадийного водородного заряда.¹⁸

О методах и масштабах работы по защите «своих» «атомных секретов» судить сложно. Исследователям доступны по преимуществу косвенные свидетельства о деятельности органов госбезопасности в этом направлении. В общем, известно, что для пресечения утечки любой информации о проводимых работах были созданы независимые друг от друга «вертикали». Одна находилась в составе Первого главного управления при Совете Министров СССР. Она отвечала за обеспечение охраны и секретности производства, за «конспирацию» атомных объектов, контролировала делопроизводство, участвовала в подборе кадров, следила за их благонадежностью и производственной дисциплиной. Ее подразделения, комплектовавшиеся из числа офицеров госбезопасности, действовали на всех предприятиях и в организациях атомной отрасли. Возглавлял службу «собственной без-

опасности» генерал-лейтенант П. Я. Мешик,¹⁹ заместитель начальника ПГУ. Для контрразведывательного обеспечения «внешнего контура» предприятий и организаций атомной промышленности в центральном аппарате МГБ организовали отдел «К» (начальники — полковник И. С. Писарев, затем — полковник А. М. Иванов), а в областных управлениях (если на подведомственных им территориях располагались спецобъекты) — соответствующие оперативно-чекистские группы.²⁰

Деятельность ведомственных структур по ограждению атомных объектов от «шпионажа, диверсий и проникновения вражеской агентуры» координировали и контролировали так называемые уполномоченные Совета Министров СССР. Они назначались во все важнейшие институты, конструкторские бюро, на предприятия и стройки, связанные с атомным проектом. Уполномоченные комплектовались из числа офицеров спецслужб и подчинялись непосредственно Л. П. Берии как заместителю председателя Совмина СССР. Руководство уполномоченными осуществлял его помощник — генерал-лейтенант Н. С. Сазыкин.²¹ Для координации их деятельности в аппарате Спецкомитета была образована специальная группа.²²

Пресечение утечки информации об «атомных делах», несомненно, являлось значимой проблемой. Косвенное подтверждение этому содержится в документах, рассекреченных в США в 1990-е гг. Это так называемые Национальные разведывательные оценки. Исследователи, знакомые с ними, отмечают, что американская разведка неплохо ориентировалась в ходе реализации советского атомного

¹⁹ До перевода в ПГУ занимал должность заместителя начальника Главного управления контрразведки (Смерш) Народного комиссариата обороны, расстрелян по «делу Берии».

²⁰ Лубянка: Органы ВЧК–ОГПУ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991: Справочник. М., 2003. С. 140, 211–214, 231; Беделъ А. Э. На страже государственной безопасности: создание режимно-секретной службы завода № 813 // Органы государственной безопасности на защите отечества. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Екатеринбург, 2018. С. 210–213.

²¹ В годы войны — начальник Особого отдела Южного фронта, заместитель начальника 2-го Управления (контрразведка) НКГБ СССР, затем — заместитель начальника отдела «С» МГБ СССР (получение разведанных по ядерному оружию), помощник заместителя председателя СМ СССР. В 1954 г. лишен звания генерал-лейтенанта и уволен из органов госбезопасности. Позже работал в системе Минсредмаша. Доктор технических наук.

²² См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 1. С. 420, 421, 466–470, 500–502.

¹⁷ Атомный проект СССР: документы и материалы. М.; Саров, 2003. Т. 2, кн. 4. С. 633–637, 648, 649.

¹⁸ Артемов Е. Т., Волошин Н. П. Указ. соч. С. 486, 487.

проекта. Так, после испытания первой советской атомной бомбы в 1949 г. она смогла правильно оценить перспективы развертывания серийного производства ядерных боезарядов. К концу 1954 г. было запланировано произвести «153 готовых изделия из плутония». И американские оценки, сделанные в то же время, совпадали с этими «контрольными цифрами». Согласно заключению Объединенного разведывательного комитета по атомной энергии, Советский Союз располагал возможностями произвести в ближайшие годы «по крайней мере 150 бомб».²³ Вполне вероятно, что такая точность в оценках достигалась не только за счет широкого использования различных технических средств. И тому есть документальные подтверждения. Так, осенью 1951 г. были задержаны заброшенные в СССР американские агенты. Они имели задание выйти в районы Семипалатинского полигона (место проведения ядерных испытаний), комбината № 817 (по наработке плутония) и завода № 418 (по серийному производству «изделий»); собрать сведения об их внешнем виде, о наличии высоковольтных линий электропередач, подъездных путей; взять пробы грунта, растительности и т. д.²⁴

Зарубежные разведслужбы пытались использовать и другие методы получения информации. В частности, они внимательно следили за открытой советской печатью. Ее тщательный анализ, дополняемый сведениями, поступившими по «закрытым каналам», позволял в отдельных случаях проникать даже в особо охраняемые «атомные секреты». В подтверждение результативности такого подхода можно сослаться на относительно точную оценку ЦРУ мощностей расположенных на Урале комбинатов по наработке обогащенного урана и по производству плутония.²⁵ Так что органам безопасности, отвечавшим за пресечение утечки информации, дел, по всей видимости, хватало.

В решении содержательных задач атомного проекта сотрудники органов госбезопасности участвовали в основном в качестве уполномо-

ченных Совета Министров СССР. С одной стороны, они были обязаны оказывать помощь подведомственным предприятиям и организациям в регулировании отношений со «смежниками», местными властями и т. д., а с другой — контролировали выполнение ими заданий Правительства. В случае выявления каких-либо «неувязок» уполномоченные имели право инициировать санкции в отношении «нерадивых» работников. Руководители ПГУ, да и все ответственные исполнители атомного проекта, были вынуждены, несмотря на недовольство, принимать широкие права уполномоченных как некую данность. Тот же Б. Л. Ванников, по словам члена Спецкомитета В. А. Махнева,²⁶ их «не терпел»,²⁷ но и он не мог ничего изменить. И только после ареста Л. П. Берии и ликвидации Спецкомитета институт уполномоченных упразднили. Часть их функций стали выполнять вновь назначенные заместители директоров предприятий по режиму, охране объектов и секретности. Одновременно в составе Министерства среднего машиностроения (правопреемника ПГУ) организовали Политическое управление с политотделами на соответствующих предприятиях. Ему поручили «своевременно и правдиво докладывать в ЦК КПСС и министру о политической работе и положении дел на предприятиях, о злоупотреблениях и недостатках, могущих нанести ущерб интересам государства».²⁸ Иначе говоря, надведомственная надзорная «вертикаль» в лице уполномоченных была заменена ведомственными структурами, находившимися под наблюдением партийных органов, с заметно меньшими полномочиями и возможностями.

Такая перестройка заметно облегчала жизнь предприятиям и организациям ядерно-оружейного комплекса. Они могли утаивать свои «внутренние резервы», снижая тем самым напряженность планов. В выигрыше также оказывались руководители: им легче стало уйти от ответственности в случае ненадлежащего выполнения заданий. И это означало явное отступление от принципов организации работы в сталинское время. Принятый тогда порядок предусматривал персональную

²³ Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 4. С. 340; Быстрова И. В. Военно-промышленный комплекс СССР в годы холодной войны (вторая половина 1940-х — начало 1960-х годов). М., 2000. С. 61.

²⁴ См.: Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953: документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007. С. 353–357.

²⁵ См.: Михеев М. В. Расшифровка фотографий: ЦРУ и атомная индустрия Урала // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. М., 2016. С. 514–530.

²⁶ Генерал-майор, секретарь Спецкомитета. После ликвидации последнего работал в системе Минсредмаша на второстепенных должностях.

²⁷ См.: Жучихин В. И. Первая атомная. М., 1993. С. 90; Дело Берия. Приговор обжалованию не подлежит. М., 2012. С. 56.

²⁸ Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 5. С. 579–581.

ответственность за любые недочеты в работе, что, по словам министра среднего машиностроения Е. П. Славского, превращалось для ответственных лиц в «хождение по лезвию бритвы. Малейший сбой — жизнью рискуешь».²⁹ Но, с другой стороны, такие правила обеспечили высокий уровень исполнительской дисциплины. Конечно, не только угроза наказания побуждала участников атомного проекта ответственно относиться к делу. Важную роль в мотивации всех категорий персонала играла уверенность в его значимости для судеб страны. К этому добавлялись меры морального поощрения и материального стимулирования, далеко выходящие за привычные рамки. Что же касается репрессий, то они применялись выборочно и преимущественно в отношении рядовых работников, «злых» нарушителей труда и технологической дисциплины. Уголовное же преследование руководителей являлось скорее исключением (с учетом неизбежных сбоев можно было легко «пересажать» всех ответственных исполнителей). Как правило, дело ограничивалось их вызовом в руководящие инстанции атомного проекта. После объяснений они были готовы на все, чтобы незамедлительно устранить выявленные просчеты и недостатки. За сбои в работе спрашивали не взирая на чины, звания, прошлые заслуги. Так, «под раздачу» однажды чуть не попал генерал-лейтенант Н. И. Павлов.³⁰ В атомный проект он пришел из центрального аппарата МВД, где был одним из доверенных сотрудников Л. П. Берии. Сначала его назначили уполномоченным при Лаборатории № 2 АН СССР. Видимо, на новом месте работы у Н. И. Павлова все получалось, и он пошел на повышение — был утвержден заместителем начальника ПГУ. В этом качестве ему поручили организовать производство «термоядерной взрывчатки» — дейтерида лития. В принципе, имелось два варианта решения проблемы. Первый предполагал использование действовавшей установки (которая, правда, изначально предназначалась для других целей). Но данный вариант отличался низкой производительностью. Второй метод был

более прогрессивным. Однако для доработки его технологии, для изготовления и монтажа оборудования требовалось дополнительное время и крупные капитальные вложения, а сроки, за соблюдение которых «головой» отвечало ПГУ, поджимали. Чтобы не допустить их срыва, Н. И. Павлов решил сосредоточиться на отработанном варианте, отодвинув освоение прогрессивной технологии в неопределенное будущее, и просчитался. Производство дейтерида лития с трудом «набирало обороты». Об этом бывшие коллеги Н. И. Павлова доложили по инстанции, и Л. П. Берия вменил ему в вину «негосударственный подход» при выполнении «важнейшего правительственного задания». По воспоминаниям академика А. Д. Сахарова, на специально созванном совещании он заявил примерно следующее: «Вы, Павлов, потеряли большевистскую остроту! Сейчас мы вас наказывать не будем, мы надеемся, что вы исправите ошибку. Но имейте в виду, у нас в турме места много!» Разумеется, Н. И. Павлов прекрасно знал, что председатель Спецкомитета «слов на ветер не бросает». Поэтому он сразу же «перестроился», и новая технология производства дейтерида лития была освоена в кратчайшие сроки.³¹

Как правило, уполномоченных ориентировали, на что нужно обратить особое внимание. Однако часто они действовали по собственной инициативе. Но в принципиальном отношении это ничего не меняло. Механизмы контроля за выполнением правительственных заданий и устранения выявленных недочетов были одинаковы. Как это происходило на практике, хорошо иллюстрируют события, связанные с созданием первого советского термоядерного заряда. Сначала работа велась по двум направлениям. Возглавляли их будущие академики Я. Б. Зельдович и И. Е. Тамм. Затем выяснилось, что физическая схема, предложенная группой И. Е. Тамма, более перспективна. Поэтому высшее руководство атомного проекта решило сосредоточиться на ее реализации — на конструировании заряда РДС-6с («слойки»). Однако в КБ-11, где велись эти работы, по существу, проигнорировали соответствующее постановление Совмина СССР. В результате

²⁹ Славский Е. П. Из рассказов старого атомщика // Е. П. Славский: Страницы жизни. М., 1998. С. 17–20.

³⁰ В органах госбезопасности с 1938 г. После ликвидации ПГУ работал начальником Главного управления Минсредмаша по проектированию и испытанию ядерных боеприпасов, директором ВНИИ автоматики им. Н. М. Духова (занимался разработкой ядерных боеприпасов). Был удостоен звания Героя Социалистического труда, Лауреата Ленинской премии.

³¹ См.: Сахаров А. Воспоминания 1921–1971: Так сложилась жизнь. М., 2016. С. 231, 232; Федеральное государственное предприятие «Комбинат Электрохимприбор» / Новиков А. В., Бедель А. Э., Кондратьева Е. В., Кузнецов В. Н. // Атомные города Урала. Город Лесной: энциклопедия. Екатеринбург, 2012. С. 10, 11.

произошло распыление сил, что поставило под угрозу его своевременное выполнение. Отставание от установленных сроков разработки «слойки» сразу же зафиксировал уполномоченный при КБ-11 полковник В. И. Детнев и доложил об этом лично Л. П. Берии. Он обвинил научного руководителя и конструктора КБ-11 Ю. Б. Харитона в неправомерной поддержке тематики, признанной неперспективной, а Я. Б. Зельдовичу вообще инкриминировал стремление добиться, вопреки интересам дела, «первенства... в противовес тт. Сахарову А. Д. и Тамму И. Е., предложившим РДС-6с».³² Назревал грандиозный скандал. Несанкционированное изменение приоритетов, повлекшее за собой задержку в разработке «изделия», рассматривалось как «саботаж» или «вредительство». Инициаторов такого шага и руководителей, вовремя их «не поправивших», следовало, в соответствии с установленным порядком, привлечь к уголовной ответственности. Но никто из влиятельных фигур атомного проекта в этом не был заинтересован. Л. П. Берия также решил, что дальнейшее разбирательство нецелесообразно: дав ход делу, можно было потерять ценных специалистов. Поэтому отклонение от установленного графика работ связали с «нераспорядительностью» Первого главного управления и КБ-11. Их руководителям «поставили на вид» и обязали в трехмесячный срок исправить положение. Разумеется, все необходимое было сделано даже с опережением.³³

Эти, казалось бы, частные примеры проясняют важную особенность организации работы в рамках атомного проекта. С одной стороны, она разворачивалась сразу по нескольким

направлениям. И только по ходу делался вывод, где нужно сосредоточить усилия. Так появлялась конкуренция, позволявшая ускорить выход на конечный результат. С другой стороны, за деятельностью непосредственных исполнителей пристально наблюдали уполномоченные. В случае каких-либо отклонений они сразу докладывали «по инстанции». А поскольку и исполнители, и контролеры подчинялись только высшему руководству атомного проекта — Специальному комитету при Совмине СССР, то меры по устранению выявленных недостатков ни с кем не согласовывались и принимались незамедлительно. Они не были закреплены в каких-то нормативных документах. Но все участники атомного проекта прекрасно знали, что к ним могут быть применены любые санкции. И это играло важную мобилизующую роль. Даже гипотетическая угроза попасть в число «вредителей» или «саботажников» не позволяла никому расслабляться. Такие «неписанные правила», дополненные жесткой централизацией процесса принятия решений, являлись, по крайней мере для приоритетных отраслей, отличительной особенностью «командной экономики» в ее сталинском, классическом, варианте. Они в какой-то мере компенсировали отсутствие рыночных сигналов и санкций, побуждающих хозяйствующих агентов к напряженному труду, эффективному использованию ресурсов и инновациям. Не случайно сокращение масштабов административного принуждения и насилия в управлении советской экономикой стало одним из факторов, обусловивших замедление темпов ее роста, проявившееся уже к концу 1950-х гг.³⁴

Eugeniy T. Artemov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ia-history@mail.ru

STATE SECURITY ORGANS IN THE SOVIET ATOMIC PROJECT: FUNCTIONS AND CONTRIBUTION TO ITS IMPLEMENTATION

August 29, 2019 marks the 70th anniversary of the first nuclear test in the USSR. It became an important milestone in development of the atomic project, one of the most ambitious in the post-war Soviet history. It is not by chance that these events evoke great scientific and public interest. However, a number of its aspects have not yet received proper attention in historiography, in particular, the role and place of the state security organs in the “atomic epopee”. The article addresses the

³² Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 7. С. 454–456.

³³ См.: Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. С. 136, 137.

³⁴ См.: Ханин Г. Десятилетие триумфа советской экономики. Годы пятидесятые // Свободная мысль. 2002. № 5 (1519). С. 82, 83.

organization of the work of state security agencies for obtaining intelligence materials important for nuclear weapons developers, ensuring the safety of own “atomic secrets”, protecting “special objects”, and monitoring the implementation of government decisions related to the creation of the nuclear weapons complex. A conclusion is drawn that this activity organically fit into the system of the “command” economy in its classical, Stalinist version and made a significant contribution to the successful development of the atomic project.

Keywords: *USSR atomic project, command economy, state security organs, Special Committee under the USSR Council of Ministers, First Main Administration, Bureau № 2, plenipotentiaries of the USSR Council of Ministers*

REFERENCES

- Artemov E. T. [The Soviet nuclear project within the centrally planned economic system]. *Cahiers du Monde Russe*, 2014, no. 55/3–4, juillet–decembre, pp. 267–294. (in Russ.).
- Artemov E. T. *Atomnyy proyekt v koordinatakh stalinskoy ekonomiki* [The Atomic project in the coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2017, 343 p. (in Russ.).
- Artemov E. T., Voloshin N. P. [Role of foreign experience in the Soviet atomic project implementation]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [Economic History: Yearbook]. Moscow: IRI RAN Publ., 2016, vol. 2014/15, pp. 465–491. (in Russ.).
- Artemov E. The Soviet Atomic Project. Ingredients of Success. *Social Sciences. A Quarterly journal of the Russian Academy of Sciences*, 2018, vol. 49, no. 2, pp. 102–121. (in English).
- Bedel A. E. [On guard of the state security: the creation of a regime-secret service of the plant no. 813]. *Organy gosudarstvennoy bezopasnosti na zashchite otechestva. Odinnadtsatyie ural'skiye voyenno-istoricheskiye chteniya, posvyashchennyye 100-letiyu Upravleniya FSB Rossi po Sverdlovskoy oblasti* [State security agencies in defense of the fatherland. The 11th Ural military historical readings dedicated to the 100th anniversary of the FSB of Russia in the Sverdlovsk region]. Ekaterinburg: Socrat Publ., 2018, pp. 210–213. (in Russ.).
- Biryukov N. S. *Rozhdennyye atomnoyeroy. 12 Glavnoye upravleniye Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii: opyt sozdaniya i razvitiya* [Born by the nuclear era. 12th Chief Directorate of the Ministry of Defense of the Russian Federation: the experience of creation and development]. Moscow: Chekhovskiy poligraficheskii kombinat Publ., 2002, 439 p. (in Russ.).
- Bystrova I. V. *Voyenno-promyshlennyy kompleks SSSR v gody kholodnoy voyny (vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1960-kh godov)* [The USSR military-industrial complex during the Cold War (the second half of the 1940s — the beginning of the 1960s)]. Moscow: IRI RAN Publ., 2000, 359 p. (in Russ.).
- Delo Beriya. Prigovor obzhalovaniyu ne podlezhit* [Beria's Case. The verdict is not appealable]. Moscow: MFD Publ., 2012, 747 p. (in Russ.).
- Gogol, V. A., Adriyanov, V. I. *Bomba dlya Stalina. Vneshnyaya razvedka Rossii v operatsiyakh strategicheskogo masshtaba* [The bomb for Stalin. Russia's foreign intelligence in strategic operations]. Moscow: Voskresen'ye Publ., 1993, 180 p. (in Russ.).
- Khanin G. [Decade of the Soviet economy triumph. 1950s]. *Svobodnaya mysl* [Free thought], 2002, no. 5 (1519), pp. 72–94. (in Russ.).
- Kruglov A. K. *Shtab Atomproma* [AtomProm Headquarters]. Moscow: TsNIIatominform Publ., 1998, 493 p. (in Russ.).
- Mikheev M. V. [Decoding photos: CIA and the Urals nuclear industry]. *Ekonomicheskaya istoriya: Yezhegodnik* [Economic History: Yearbook]. Moscow: IRI RAN Publ., 2016, vol. 2014/15, pp. 514–530. (in Russ.).
- Nekrasov V. F. *NKVD–MVD i atom* [NKVD–MVD and Atom]. Moscow: Kuchkovo Pole; Giperboreya Publ., 2007, 560 p. (in Russ.).
- Novikov A. V., Bedel A. E., Kondratieva E. V., Kuznetsov V. N. [Federal State Enterprise “Kombinat Elektrokhimpribor”]. *Atomnyye goroda Urala. Gorod Lesnoy: Entsiklopediya* [Atomic cities of the Urals. Lesnoy city: Encyclopedia]. Ekaterinburg: BKI Publ., 2012, pp. 7–32. (in Russ.).
- Polunin V. V., Staroverov V. A. [Intelligence services in the Soviet atomic project of 1945–1953]. *Atomnyy vek: sobytiya, lyudi, dela* [The Atomic Age: events, people, deeds]. Moscow: Atom-Pressa Publ., 2005, pp. 434–452. (in Russ.).
- Zhuchikhin V. I. *Pervaya atomnaya* [The First Atomic]. Moscow: IzdAT Publ., 1993, 112 p. (in Russ.).